

Юность Бернса отмечена бурными любовными увлечениями, шумными встречами с друзьями и все растущим душевным беспокойством. Ему становилось тесно на маленькой ферме. Он то решал идти в солдаты, то думал навсегда покинуть Шотландию и поселиться на Ямайке. Он даже совсем был готов сговориться о месте счетовода на ямайской плантации. А пока что он изо дня в день работал в поле, превосходя большинство своих сверстников физической силой и выносливостью. Он превосходил их также в умении рассуждать на такие, например, темы: «Есть ли предел у дружбы?», «Приносит ли образование счастье рабочему человеку?», «Кто счастливее — диакр или грамотный хлебопашец?».

Бернсу было двадцать семь лет, когда, записав часть своих стихов в тетрадь, он послал ее издателю. В том же 1786 году вышла его первая книжка стихов. Она имела большой успех среди читателей Эдинбурга, и Бернс вскоре очутился в шотландской столице. Все спешили посмотреть на этого угловатого, крепко сложенного, одетого в простую шерстяную куртку человека с загорелым, несколько угрюмым лицом. По словам современника, он был похож на морского капитана. Он казался гораздо старше своих лет (существующие портреты Бернса несомненно значительно приукрашены).

Знатные господа один за другим приглашали его к обеду. Журналы восхваляли его стихи и даже сравнивали его с Шекспиром. Но мода на крестьянского поэта так же скоро прошла, как и возникла. «Изысканные» критики начали упрекать его в «грубости», «вульгарности» и за то, что стихи его изобиловали словами из простого крестьянского диалекта. Ему советовали изучать античную мифологию. Кто-то назвал его музу «незаконной». С горечью и гневом понял он, что для этих важных господ и надменных литераторов он был только предметом любопытства, вроде той, пользуясь его собственным сравнением, выделявшейся разные поразительные штуки дрессированной свиньи, которую показывали тогда в балагане. Он покинул Эдинбург и отправился путешествовать по Шотландии. Наблюдая жизнь крестьянства, он всегда, со свойственной ему прямотой, был на стороне бедных фермеров и батраков и не раз говорил о том, что чем богаче фермер, тем беднее и темнее его батраки. Когда он вернулся в Эдинбург, он вскоре обнаружил, что враги его перешли в наступление. Его обвиняли в агитации. В 1788 году некий Максуэлл в своем памфлете «Порицание некоторым поэтам и виршеплетам нашего века, Р-ту Б-у особенно» называл Бернса «поэтом-язычником» и «служугою Сатаны». В том же году Бернс расстался с Эдинбургом и снова вернулся к сельскому труду.

Нужно было содержать семью. Но как раз в то время в сельском хозяйстве Шотландии наступил тяжелый кризис, в особенности чувствительный для тех фермеров, которые не обладали оборотными средствами. Чтобы как-нибудь свести концы с концами, Бернс устроился мелким акцизным чиновником. А между тем из Франции приходили волнующие вести. В июле 1789 года пала Бастилия. Бернс сразу же стал горячим и страстным сторонником революции. Он не скрывал своих убеждений и всюду проповедывал свои мысли. Среди шумных дружеских сборищ, которые он так любил, он произносил пламенные политические тосты. Он был так накален своими мыслями и чувствами, что не мог даже издали глядеть на помещичий дом без гнева и отвращения.

Он решил не только думать и говорить, но и действовать. На свои деньги он купил четыре маленькие мортiry и послал их в подарок революционному правительству Франции. Этот подарок был, конечно, перехвачен английскими таможенными властями. Началось

ЗАМЕТКА О БЕРНСЕ

(К 150-летию со дня смерти)

М. МОРОЗОВ

✱

В июле нынешнего года исполняется сто пятьдесят лет со дня смерти Роберта Бернса (1759 — 1796). Он был сыном простого фермера, сам был простым фермером и с юных лет ходил за плугом. Отец его своими руками построил крытую соломенной мазанку, в которой родился великий поэт шотландского народа. Мать Бернса, сидя в свободные часы за прялкой, хорошо пела песни. Замечательно, что из всех ее детей только Роберт не умел перенимать эти песни и отличался — так, во всяком случае, полагали в семье — полным отсутствием музыкального слуха.

Шотландия в XVIII веке была страной причудливых контрастов. Во всей Европе, пожалуй, не было крестьянства беднее. Но редко где так много пелось песен и где так много среди самых простых деревенских парней было любителей-стихотворцев. В семье Бернсов бедность — они едва сводили концы с концами и с трудом собирали требуемую ежегодно сумму, чтобы заплатить помещику за аренду земли — сочеталась с настойчивым стремлением к образованию. Фермеры обычно отдавали своих сыновей лет с десяти, а то и раньше в батраки к соседним фермерам. Но отец поэта послал своих сыновей в школу. А потом даже нанял домашнего учителя. Судьба этого педагога по фамилии Мёрдок также поражает причудливый контрастом. Ему пришлось на своем веку преподавать двум знаменитым, но ни в чем не похожим друг на друга людям: он учил Бернса, а впоследствии, попав в Париж и выйдя в люди, преподавал английский язык Талейрану. Это был, повидимому, очень способный педагог. У него даже была своя система преподавания: он постоянно заставлял своих учеников подыскивать синонимы к словам разбираемого текста. Бернс, вероятно, больше обязан этому педагогу, чем обычно пишут биографы поэта.

Систематического образования Бернсу получить не удалось. Нужно было помогать отцу в сельских работах. Он учился урывками, изучал каждую минуту, чтобы читать. Читал даже во время обеда перед миской с овсяной похлебкой — «с ложкой в одной руке, с книжкой в другой». Бывало так, что ему приходилось чередоваться с братом: пока один учился в школе, другой работал на ферме за двоих. За некоторые предметы Бернс брался самоучкой, например, за латинский язык, которого так и не осилил.

С ранних лет Бернс начал сочинять стихи. Мы говорили о том, что он, как полагали в семье, не обладал музыкальным слухом и сам не умел петь. И, однако, ранние его стихи, как и многие стихи его творческой зрелости, выросли из шотландских народных песен: он сочинял слова на существующие мотивы. И когда мимо фермы проходил корабейник или нищий бродяга, Бернс не пропускал случая, чтобы не попросить прохожего напеть ему мотивы песен. Свои стихи он в то время записывал редко, и то обычно на грифельной доске. Ему еще и в голову не приходило, что сочиненные им строфы являются настоящим поэтическим творчеством.

следствие. Бернс попал в число «подозрительных». Надежда на получение места с более или менее приличным окладом рухнула, навсегда. И то общество, от которого, в конце концов, зависела его литературная слава, с возмущением отвернулось от него. До нас дошел следующий рассказ очевидца. По освещенной солнцем стороне улицы шли веселые, ярко разодетые кавалеры и дамы. Им навстречу, по теневой стороне улицы, проходил Бернс. И никто из этих господ, которые некогда на словах так увлекались «шотландским бардом», даже не взглянул в его сторону. Не взглянул на них и он...

Одинокому и затравленному, ему пришлось влачить жалкое существование в постоянной борьбе с нуждой (он содержал жену и пять человек детей). Враги со злобством рассказывали о том, что он стал злоупотреблять спиртными напитками. Медленно, но верно тяжелая болезнь подтачивала его могучий организм. Старые знакомые не узнавали его: этот некогда физически сильный человек превратился в обессиленный кожей остов. Он сам приписывал свою болезнь тяжелому внутреннему состоянию, материальным заботам и травле врагов. Он умер 21 июля 1796 года на тридцать восьмом году жизни. И тогда даже его недруги (он был мертв, а стало быть безопасен) явились на его похороны, на которые собралась огромная толпа простого народа.

Слава Бернса в Шотландии давно стала всенародной. Стихи его распевают по всей стране, даже в самых простых бедных коттеджах. Знаменит Бернс и за пределами Шотландии. И все же мировая слава его не достигла той степени, на которую его творчество имеет право. Отчасти это объясняется тем, что Бернс широко использовал слова и обороты шотландской народной речи и что, следовательно, для того, чтобы вполне оценить как смысловое, так и музыкальное богатство его стихов, недостаточно знания одного английского языка.

Литературными предками Бернса являются прежде всего те, большей частью безымянные, народные шотландские поэты, о которых мы упомянули в начале нашего очерка. Многие стихи Бернса принадлежат к шедеврам мировой поэзии. Его лирика, его сатира (например «Два пса»: пес богат и пес бедняк беседуют друг с другом, делятся несправедливости, царящей в человеческом обществе, и находят утешение лишь в том, что сами они «звери, а не люди»); те стихи его, которые полны бунтарских чувств и мыслей, порожденных Французской революцией («Дерево свободы», «Честная бедность»), и те, в которых он воспекает непобедимую мощь простых людей (например, «Джон — Ячменное Зерно»); замечательный гимн, который он, живя в строгой суровой протестантской Шотландии XVIII века, пропел вольной жизни бродяг («Веселые нищие», в первоначальной редакции это стихотворение было озаглавлено «Любовь и свобода»), и многие другие стихотворения Роберта Бернса навсегда сохранили силу и неуязвимую свежесть. Реалистическое творчество Бернса полно глубокой обобщающей символики. «Ячменное Зерно» — образ неиссякаемой силы народа.

Роберт Бернс был издавна близок переводовому читателю. Из переводчиков Бернса на русский язык в дореволюционное время напомним М. Михайлова, поэта и революционера, сосланного царским правительством, О. Чюмину, Л. Андрусона.

В советское время Бернса переводили Э. Багрицкий, С. Маршак, Т. Щепкина-Куперник. Чтобы всесторонней показать творчество поэта, в настоящем номере журнала наряду с новыми переводами печатается ранее опубликованное стихотворение Роберта Бернса «Джон — Ячменное Зерно», тоже в переводе С. Маршака.

С. 85-82 Стихи

С. 86 Печенью молни, сего котора
вручено нам миром

С. 87 Джон - ячменное зерно

С. 88. Босая девушка

С. 90. Горюх

С. 91. Меланх

С. 92. В. Вессел, писатель

ПЕРЕВОДЫ ИЗ РОБЕРТА БЕРНСА

С. МАРШАК

★

Давно ли цвел зеленый дол,
Лес шелестел листвою
И каждый лист был свеж и чист
От влаги дождевой.

Где этот летний рай?
Лесная глушь мертва.
Но снова май придет в наш край --
И зашумит листва.

Но ни весной, ни в летний зной
С себя я не страхну
Тяжелый след бегущих лет,
Печаль и седину.

Под старость краток день,
А ночь без сна длинна.
И дважды в год к нам не придет
Счастливая весна!

★

ПЕСНЯ

Ты свистни — тебя не заставаю я ждать,
Ты свистни — тебя не заставаю я ждать,
Пусть сходят с ума отец мой и мать.
Ты свистни — тебя не заставаю я ждать!

Но в оба гляди, пробираясь ко мне.
Найди ты лазейку в садовой стене.
Найди три ступеньки в саду при луне.
Иди, но как-будто идешь не ко мне.
Иди, будто вовсе идешь не ко мне!

А если мы встретимся в церкви, смотри:
С подружкой моей, не со мной говори.
Украдкой мне ласковый взгляд подари.
А больше — смотри! — на меня не смотри,
А больше — смотри! — на меня не смотри!

Шотландия